

**РОДСТВЕННЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ
ПОЛИНЕЗИЙЦЕВ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Прежде чем приступить к основной части статьи, мне кажется необходимым еще раз вернуться к вопросу об определении родственных коллективов в традиционных культурах полинезийцев. Вопрос этот начал активно разрабатываться в 1950-х годах и, как известно, до сих пор актуален. Это показывают публикации в 1993–1994 гг. в журнале «Этнографическое обозрение», в которых подводится своего рода итог терминологической путаницы, существовавшей как в зарубежной, так и в отечественной науке относительно понимания основных единиц социальной структуры полинезийцев (и которая по сей день, похоже, не разрешилась). Я имею в виду две статьи. Во-первых, И.Ж. Кожановской, которая считает, что отечественная наука серьезно отстает от зарубежной, опирающейся на теории социальных структур в Полинезии¹. И, во-вторых, статью Н.А. Бутинова, продолжающего отстаивать позиции советской этнографии, сводившей все к роду как основной социальной единице². Критика зарубежной типологии кровнородственных групп, в основе которой лежат принципы линейности и латеральности кровнородственных связей, строится Н.А. Бутиновым на том, что, по его мнению, там учитывается только родство по крови и не учитывается адопция, широко практикуемая также и в Полинезии, то есть социальное родство противопоставляется кровному³. На самом деле эти понятия не противоречат друг другу. Социальное родство — это как социально-актуальное биологическое родство, так и «фиктивное» родство, родство, построенное по модели социально-актуального биологического, но не являющееся при этом биологическим⁴. То есть в основе модели социального родства так или иначе лежат кровнородственные связи. Что же касается вычленения рода в социальных структурах Полинезии, то и здесь все неоднозначно. Так, например, определяя род как унилинейный и экзогамный коллектив⁵, Н.А. Бутинов, однако же, полагает его присутствующим только прослойке вождей. Для

простых же общинников считает характерной такую форму социальной группы, как родня. При этом заключение браков в семьях вождей происходит преимущественно по принципу эндогамии, общинники же следуют принципу экзогамии в заключении браков⁶. Здесь видится противоречие. Ни в коем случае я не умаляю заслуги Н.А. Бутинова в области исследований социальной организации народов Полинезии, которые он продолжал и в последние годы жизни. Без его трудов в этой области ученым обойтись нельзя. Но возникает ощущение, что он что-то не успел доделать. Может быть, в том числе и поэтому на сегодняшний день более близкими к полинезийским реалиям кажутся социальные структуры, описанные зарубежными авторами. Однако и тут не все так просто. Можно с уверенностью сказать, что в этой области, во всяком случае относительно традиционных социумов народов Полинезии, исследователям предстоит еще немало поработать.

Гуденаф выделил два основных типа родственных групп в Полинезии. Это «неунилинейная десцентная группа» и билатеральная родня. Они имеют общую черту: родственные связи прослеживаются через родителей обоих полов — и структурное различие: в первом случае родственные связи носят линейный характер, во втором — латеральный⁷. «Неунилинейная десцентная группа» определяется им как группа индивидов, осознающих свое происхождение, генеалогическое или по адопции, от одной семьи, как по отцу, так и по матери, т.е. имеющие общего предка. Это группа протяженная во времени, и все ее члены состоят в родстве друг с другом. Билатеральная родня — это группа лиц, имеющих общего родственника, независимо от того, по отцу или матери прослеживается родство.

В данном случае интерес представляет тот факт, что Гуденаф выделил эти два типа родственных групп в ходе критики элементов мердоковской модели «гавайского» типа социальной структуры, а именно в пункте об основном ее элементе. В основе его критики лежала не отмеченная Мёрдоком черта, которая характеризовала организацию большого количества малайско-полинезийских обществ: связь индивидуальных прав на землю с членством в родственных группах определенного рода. Гуденаф рассудил, что,

если реконструкция Мёрдока правильна, было только два типа родственных групп, с которыми могло быть связано владение землей, — билатеральная родня и билोकальная расширенная семья. Как определил Мёрдок, родня индивида включает, грубо говоря, членов родни его отца и родни его матери, не совпадая ни с одной из них. Это означает, что не существует непрерывности членства в родне при смене поколений, то есть она не является протяженной во времени. Родня, по такому определению, не может функционировать как землевладелец. Билोकальные расширенные семьи так функционировать могли бы, но в этом случае требовалось бы, чтобы все члены семей, уходящие из них по браку, теряли бы право на землю, в то время как включенные в нее по браку приобретали бы. Однако современные малайско-полинезийские владеющие землей группы учитывают кровное родство в качестве основания членства, а не только проживание.

Далее, по мысли Гуденафа, десцентные группы делятся на 2 вида:

1. «Неограниченная десцентная группа» включает в себя всех потомков предка-основателя, мужчин и женщин. Такие группы должны перекрывать друг друга, т.к. каждый индивид будет принадлежать к стольким группам, сколько предков он знает.

2. Десцентная группа с ограниченным членством включает только некоторых потомков предка-основателя.

Ограничение членства в неунилинейной десцентной группе может иметь несколько вариантов. Первый возможный вариант — это включение в группу только тех потомков, которые приобретают определенные права на землю как долю наследства по происхождению. При этом генеалогическая линия идет иногда через женщин, а иногда через мужчин, т.к. оба пола вправе наследовать эти права. Второй вариант включает только детей тех членов, которые после вступления в брак остаются жить на территории, связанной с группой. Если брак билोकальный, линия происхождения также будет идти то через мужчин, то через женщин. Следующий вариант — членство в группе отца или матери зависит от личного выбора места проживания из тех, что связаны с соответствующими группами. Все эти

группы легко могут функционировать как владеющие землей единицы.

Действительно, как, например, видно по сведениям из подавляющего большинства источников, использованных Робертом В. Вильямсоном при написании его монографического труда «Социальные и политические системы Центральной Полинезии», изданном в 1924 г.⁸, во всех регионах земля фактически являлась принадлежностью неких родственных групп. Границы земель этих групп были четко известны, являлись таковыми, как правило, с незапамятных времен, и первоначальным насельником ее был предок-основатель группы. Земля группы в свою очередь была поделена между всеми ее членами, право на возделывание участков передавалось по наследству, верховным распорядителем являлся верховный вождь всей группы, далее — вожди подгрупп и главы домохозяйств. Однако право распоряжаться земельными ресурсами, что часто воспринималось наблюдателями как право владения землей, не являлось на деле таковым. Верховный вождь мог сместить по какой-либо причине вождя среднего ранга, но в этом случае земли последнего (т.е. земли его подгруппы) переходили к его наследнику из его семьи, как и титул. Аборигены крайне негативно относились к предложению продать земельные участки европейцам, хотя исключения и бывали. Однако возможно было получить разрешение жить на их земле или даже получить ее в подарок, но вероятнее всего, как вывел Вильямсон, это происходило в тех случаях, когда аборигены воспринимали новых владельцев участка земли как адаптированных в их родственную группу⁹. Эти основные черты землевладения характерны для всей Полинезии, однако до Гуденафа родственные группы, связанные с правом распоряжения землей, и механизм его реализации никем не были определены.

В качестве примера реализации неунилинейными десцентными группами права пользования землей Гуденаф приводит родственные группы на островах Гилберта, которые, хоть и находятся территориально в Микронезии, как известно, были заселены в том числе выходцами из Полинезии, с островов Самоа, и культуре их свойственны в большой степени полинезийские черты¹⁰.

Из пяти существующих там родственных групп одна (*утуу*) является билатеральной родней, одна (*мвеенга*) — домохозяйством, а три остальных — неунилинейными десцентными группами:

1. *Оои*, неограниченная десцентная группа, включающая всех лиц, происходящих от общего предка, мужчин и женщин. Членство в *оои* не прерывается с переселением в другие общины или на другие острова, оно длится до тех пор, пока сохраняются в памяти генеалогические связи. После смерти бездетного человека его земли распределяются между родственниками, причем земли, унаследованные от отца, не могут перейти к родственникам матери, членам другой *оои* и наоборот.

2. *Бвоти*, в которой реализуются права индивида на землю и которая связана с представительством на общественных собраниях, сходного типа с самоанским фоно. Членство в *бвоти* основано на индивидуальном праве на определенные участки земли. Все лица, владеющие хотя бы малейшей долей этой земли, обладают правом на место в *бвоти*. В то время как все *члены* *бвоти* принадлежат одной *оои*, только сегмент *оои* соответствует *бвоти*. Потенциально каждый человек — член нескольких *бвоти*, но одновременно он может активизировать свое членство только в одной *бвоти*.

3. *Каинга* — группа, членство в которой основано на выборе места проживания родителями индивида. Изначально она, видимо, совпадала по членству с *бвоти*. Со временем в силу различных оснований членства в них они распались. *Каингу* составляли лица, родившиеся и выросшие вместе на земле их общего предка-основателя. Члены *каинги*, переселившиеся по браку в другие места, оставались ее членами, но теряли право на передачу этого членства своим детям, так как дети причислялись к *каинге*, на территории которой родились и росли. Право же на часть земли *бвоти* родители тем не менее передавали по наследству.

Таким образом, Гуденаф показал, что все эти три вида неунилинейных десцентных групп каким-либо образом связаны с землей, полагая, что это право пользования определенной землей.

Концепция Гуденафа о типах родственных коллективов была принята на вооружение исследователями и далее уточ-

нялась и развивалась. За полинезийскими десцентными группами закрепилось название амбилинейных (вместо неунилинейных), предложенное Фёрсом¹¹, что хорошо показывает возможность выбора включения в родственную группу либо отца, либо матери. Он же предложил называть полинезийские десцентные группы рэмиджами. Это название прижилось в науке, поскольку отражало способность рэмиджа ветвиться (от англ. «gamage» — устар., собир. — ветви, сучья). Этот процесс, названный рэмификацией, основывался не просто на представлении о происхождении членов некоей группы от одного предка-основателя, а на генеалогическом счете происхождения от него. В целом структура рэмиджа может быть представлена как генеалогическое древо с отростками-группами, снова и снова ответвляющимися от основной «старшей» линии происхождения, формирующейся по принципу первородства. Дистанция каждого конкретного человека от старшей линии предка-основателя является основным критерием стратификации. По мнению Салинза, именно эта отличительная черта рэмиджа, выражающаяся в традиционной модели наследования статуса каждого индивида, является ключевой в понимании рэмифицированных социальных систем¹². Полинезийские общества, таким образом, часто представляют собой единые крупные рэмиджи, то есть состоящие из сегментарных рэмиджей, складывающихся в единую генеалогическую систему, на вершине которой находится верховный вождь, считающийся прямым потомком по старшей линии предка-основателя всей группы. Людми же низшего статуса оказываются потомки младших братьев младших линий и т. д. Это не означает, что каждый индивид помнил всю генеалогию вплоть до общего предка всей группы, держателями этих знаний являлись лишь вожди, представители высшего сословия общества. Однако каждый знал своего более близкого в хронологическом отношении предка, основавшего тот сегмент общества, к которому этот человек относился, и положение такого предка по отношению к общему предку также было известно. Не удивительно, что устная передача и заучивание генеалогий составляли традиционную часть полинезийской системы воспитания. Публичное перечисление предков являлось

непременным элементом общественной жизни полинезийцев всех регионов. По свидетельству Те Ранги Хироа, даже простой человек мог проследить свою родословную и установить родственные связи с очень большим числом людей, а знатоки родословных гордились своими выступлениями перед народными собраниями, которые неизменно вызывали восхищение слушателей¹³. Чем выше был статус человека, тем длиннее была его генеалогия, генеалогии же вождей включали в себя, как известно, не только предков-людей, но и богов, и явления природы¹⁴. Генеалогия, не связанная письменными документами, действует таким образом, что мифологическое и близкое прошлое социума сливаются вместе. Здесь также проявляется идея связи мифа и родства в первобытном обществе, которая заключается в представлении об общности происхождения некоей группы¹⁵. И в этом случае не важна «историческая достоверность» генеалогии. Любая социообразующая система должна обладать определенной степенью гибкости, которая проявляется в соответствующих ситуациях. Так и генеалогия как элемент социообразующей системы, меняя временами содержание, не меняет сущность. Не раз исследователи обращали внимание на несоответствия генеалогий историческим реалиям, что объясняется необходимостью обосновать право на определенное положение в обществе, например, социальных групп, включившихся извне, и т.п. Однако это не отменяет восприятия членом социума генеалогии как средства определения его в социальном пространстве здесь и сейчас, в каждый отрезок времени.

Итак, рэмидж амбилинеен, генеалогичен и способен сегментироваться, в минимальном варианте это ядро амбиплокальной большой семьи, важнейшей его ролью полагается коллективное землевладение и право на использование других ресурсов¹⁶. Действительно, часто встречается в литературе представление о праве собственности на землю родственной группы, либо коллективном, либо даже индивидуальном, когда речь идет о вождях, что неверно, как было показано выше. С коллективным владением земель несколько сложнее. Представляется, что часто определенные земли ассоциировались с некими группами, члены которых и реализовывали это право на использование зе-

мельных ресурсов. Видимо, все же нельзя говорить о владении, а надо говорить о праве пользования земельными ресурсами определенных участков земли. Рэмиджи, даже крупные, как раз оказываются более или менее локализованными группами. Салинз определяет связь между рэмиджами полинезийцев и определенными дистриктами островов как корреляцию, отмечая, что большинство исследователей ошибочно акцентировали территориальный аспект ¹⁷ рамифицированных групп в ущерб генеалогическому. В качестве отличительных черт рэмиджей Салинз выделяет:

1) способность ветвиться, причем точка деления ветвей лежит между двумя братьями, младший со своими потомками отделяется в младшую ветвь;

2) локализацию на определенной территории;

3) внутреннюю социальную стратификацию на генеалогической основе;

4) производственные отношения и система перераспределения продуктов общинного труда формируются в рамках структуры рэмиджа;

5) политическая организация общества следует системе стратификации внутри рэмиджа.

На Тикопиа с рэмиджами разного уровня соотносятся домохозяйство, *паито* (païto) и *каинанга* (kainanga): 4 *каинанга* состояли каждый из ряда *паито*, а те, в свою очередь, из ряда домохозяйств. У новозеландских маори крупные рэмиджи *хану* (hāru) делились на большесемейные *ванау* (wānau), а все вместе *хану* составляли *иви* (iwi). На Тонга рэмиджи *хаа* (haa) подразделялись на *хаа*, *фаахинга* (faahinga) или *матакали* (matakali). На Гавайях меньшим рэмиджем Салинз считает домохозяйство, следующий уровень не определен, а далее — население всего острова составляло рэмидж более высокого уровня.

Характерен ли рэмидж для всех традиционных полинезийских обществ? Салинз считает, что нет, выделяя помимо рэмиджей в Полинезии опять же десцентные группы (descent-line systems), характеризующие общества самоанцев, увеа и футуна. Самоа описываются исследователями как один из регионов Полинезии, где существовала такая особенность в традиционном обществе, как функционирование самого титула в качестве одного из системообразую-

щих элементов социума¹⁸. В рэмифицированном обществе генеалогия определяла, какой титул наследует тот или иной индивид, то есть он наследовался согласно принципу первородства. На Самоа же некая родственная группа, обладавшая титулом, предоставляла право подходящему индивиду стать его носителем с одобрения этой группы и деревенского совета. Титулы внутри деревень распределялись следующим образом. Наименьшими единицами деревень, как описывает Салинз, были так называемые семьи (family), группировавшиеся далее от одной до нескольких по принципу происхождения от общего предка в *аинга* (ainga), они же «локальные десцентные группы» (local descent line). Термин *аинга* использовался и при упоминании эгоцентрической билатеральной родни (egocentric bilateral kindred), обозначавшейся словом *са* (sa), имевшим также значение «линия происхождения» (line descent), которая на уровне деревни была лишь сегментом более широко локализованной (ветвями на несколько деревень) *са*. Обычно в деревне было более пяти сегментов невзаимосвязанных *са*. Каждая широколокализованная *са* держала ряд (то есть один или более) титулов в деревенском собрании *фоно*, которые носили главы местных ее сегментов¹⁹. Среди всех титулов *фоно* был обычно один наивысшего ранга, носитель которого был вождем деревни.

При всем кажущемся отличие от рэмифицированных систем, самоанский вариант социальной системы строится по тем же основным принципам. И сам Салинз признает, что, возможно, отличными они кажутся лишь на первый взгляд²⁰. В его определении системы десцентных групп отличаются от рэмифицированных, в сущности, только тем, что по-разному происходит деление на ветви. Остальное — следствие. В процессе деления исходной группы на 2 дочерние в рэмидже размежевание происходит по линии между мужскими sibлингами, и отношения между дочерними группами сохраняются и после размежевания в соответствии с положением их вождей относительно старшей линии происхождения. При делении десцентной группы отношения между вновь образованными группами могут сохраняться какое-то время, но, в конечном счете, связи слабеют, и образуются 2 независимые группы. Как следствие

статус в них зависит не от дистанции между индивидом и старшей линией от предка-основателя группы, а от того, какое место в иерархии титулов занимает титул, который носит индивид. То есть, хотя и приобретая более локальное значение, генеалогии сохраняются, как и сила родственных связей, и имеют немаловажное значение, в том числе и при наследовании преимущественного права на определенный титул, так как претендент на титул, конечно, избирается, но из определенного узкого круга лиц. Это, например, иллюстрирует институт таупоу²¹. Место же общей генеалогической системы занимает система иерархии титулов. Социальная система, бытовавшая на островах Гилберта, описанная Гуденафом, имеет большое сходство с самоанской. Фактически они характеризуются большей степенью амбилинейности. В рэмифицированных обществах, как это показал Салинз, наследование статуса и членства в группе происходит преимущественно по принципу первородства и по мужской линии и может одновременно реализовать только членство в одной группе. На Самоа человек может принадлежать больше, чем к одной группе, поэтому общество не подразделяется здесь на отчетливые дискретные единицы, и группы как бы перекрывают друг друга. По этой же причине то, что можно в таком случае назвать самоанским рэмиджем²², не может включать в себя всех потенциальных членов²². Следствием отсюда получается и то, что самоанские родственные десцентные группы (или также рэмиджи) не могут быть четко локализованы на определенной территории.

В заключение можно сказать, что из двух типов родственных коллективов, характерных для полинезийцев, лишь один тип может быть связан с определенной территорией. Билатеральная родня ввиду своей диффузности и отсутствия непрерывности во времени (поскольку индивид составляет центр своей родни и ее состав уникален, совпадая только у сиблингов до вступления в брак) не является таковой ни с точки зрения проживания ее членов, ни с точки зрения права ее членов на наследование земельных участков. Ее функции ограничиваются другими сферами — это может быть выполнение обрядов жизненного цикла Эго, может быть кровная месть, гостеприимство.

Амбилинейные десцентные группы (ремиджи), наоборот, у большинства полинезийцев непосредственно связаны с территорией проживания их членов. Однако пространственные их границы различны, как и привязка к территории проживания их членов, и зависят от существующих разных форм ремиджей. В некоторых случаях их границы соответствуют территории проживания их членов, в некоторых — перекрываются пространством других коллективов. И нельзя пока утверждать, что территориальные и родственные коллективы полинезийцев прямо соотносятся с определенными территориями.

***

1. Кожановская И.Ж. Что мы знаем о формах социальной организации в Полинезии? (Обзор зарубежной и отечественной литературы) // ЭО. 1993. № 2. С. 163–174.

2. Бутинов Н.А. К вопросу о социальной организации полинезийцев (ответ оппоненту) // ЭО. 1994. № 6. С. 62–68.

3. Бутинов Н.А. К вопросу о социальной организации полинезийцев... С. 62–64.

4. Маслов А.А. Латеральность: определение понятия и область его применения // Алгебра родства. Вып. 3. СПб., 1999. С. 97.

5. Бутинов Н.А. Родство в эпоху племенного строя (к постановке проблемы) // Алгебра родства. Вып. 7. СПб., 2001. С. 278.

6. Бутинов Н.А. Социальная организация полинезийцев. М., 1985. С. 18–19.

7. Goodenough Ward H. A Problem in Malayo-Polynesian Social Organization // Peoples and Cultures of the Pacific. New York, 1968. P. 134–135.

8. Williamson Robert W. The Social and Political Systems of Central Polynesia. Vol. I–III. Cambridge, 1924.

9. Williamson Robert W. Op. cit. P. 229–319.

10. Страны и народы. Австралия и Океания. М., 1981. С. 185–186.

11. Firth Raymond. A Note on Descent Groups in Polynesia // Man. 1957. January. № 2. P. 4.

12. Sahlins Marshall D. Social Stratification in Polynesia. Seattle, 1958. P. 139–141.

13. Те Ранги Хироа (П. Бак). Мореплаватели солнечного восхода. М., 1959. С. 29–32.

14. Бутинов Н.А. Социальная организация полинезийцев... С. 209.

15. Белков П.Л. Система экзогамии // Алгебра родства. Вып. 4. СПб., 1999. С. 73–74.
16. Кожановская И.Ж. Указ. соч. С. 169–170.
17. Sahlins Marshall D. Op. cit. P. 148.
18. Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана. М.: Наука, 1986. С. 120, 124; Mead M. The Samoans // Peoples and Cultures of the Pacific. New York, 1968. P. 246–249; Sahlins Marshall D. Op. cit. P. 181–182.
19. Sahlins Marshall D. Op. cit. P. 182–185.
20. Sahlins Marshall D. Op. cit. P. 181.
21. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С. 115–116; Williamson Robert W. Op. cit. P. 98–100.
22. Кожановская И.Ж. Указ. соч. С. 170.

И.К. Федорова

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИНЕЗИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ТАТУИРОВКИ

Татуировка в Полинезии — явление весьма сложное как с точки зрения техники, так и семантики сюжетов, понять смысл которого можно лишь рассматривая его в эволюции.

Маркизцы были одной из самых татуированных ветвей полинезийской расы. «Среди всех известных народов земли ни один не вознес искусство татуировки к столь высокому совершенству как жители Вашингтоновых островов. Правильные рисунки, которыми тела нукухивцев покрыты с головы до пят, заменяют одежду, которую под столь теплыми небесами, невозможно носить. Многие стремятся отличаться симметричностью и красотой своей татуировки, как мы элегантно манерой одеваться», — отмечал Лангсдорф.

И.Ф. Крузенштерн видел в татуировке подобие живописи и тоже считал маркизскую татуировку самой совершенной (сам он видел еще гавайскую татуировку). «Между нукагивцами находятся великие искусники в ремесле сем. Один из них, быв у нас на корабле во все время нашей здесь бытности, находил много для себя работы; потому что почти каждой из корабельных служителей приглашал его к сделанию на нем какой-либо узора по его искусству», — писал Крузенштерн.

Капитан скромно умалчивает, что не только «корабельные служители», т.е. матросы, делали татуировку на Нуку-